

УДК [94(475)+94(470+571)+929Гурко]"1883/1894"

Н. Н. ВОРОБЬЕВА*

**ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВАРШАВСКОГО
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА И. В. ГУРКО (1883–1894 гг.)**

80-е – 90-е гг. XIX в. в Российской империи – эпоха “царя-миротворца” Александра III. Время “застоя” и “реакции”? Период сосредоточения сил перед очередным рывком в модернизации? Ведь подобно тому, как сердце работает в режиме сокращение-расслабление, государство и общество остро нуждались в “передышке”, возможности адаптировать к жизни новые институты и учреждения, созданные в процессе Великих реформ¹. Или, как писал А. А. Керсновский, это была эпоха “блестящей великодержавности”²? Продолжающаяся и в наши дни дискуссия о проблемах реформаторства и роли личности в истории Российской империи свидетельствует о том, что интерес к прошлому не иссякает³.

Признавая обоснованность различных подходов в оценках царствования Александра III, несомненно, на наш взгляд, одно – во всех сферах государственной политики император следовал принципу, образно сформулированному Керсновским: вовремя показать свою силу, чтобы отбить охоту у других ее испытывать⁴.

Скромные, относительно ожидаемых, успехи Российской империи на военном и дипломатическом поприще в решении Восточного кризиса 1875–1878 гг., послевоенная социальная и политическая нестабильность в стране, разгул терроризма, угрозы в адрес целого ряда министров (Д. А. Милютин, А. Е. Тимашева, Д. А. Набокова, Д. А. Толстого, М. Т. Лорис-Меликова, Э. Т. Тотлебена и др.)⁵, убийства высших чиновников империи (шефа жандармов и начальника III отделения Собственной Его Величества Канцелярии Н. В. Мезенцева, покушение на Александра II (в апреле 1879 г.) заставили власть пересмотреть курс внутренней политики.

Однако введение чрезвычайных мер, передача власти в наиболее “взрывоопасных” регионах империи (Санкт-Петербурге, Харькове и Одессе) в руки военных генерал-губернаторов не оправдала себя. Причина заключалась “не в самом учреждении” временных генерал-губернаторств, а в отсутствии “решительной воли и твердого сознания мысли в правительстве”, считал бывший наставник и неизменный конфидент

* Воробьева Надежда Николаевна – историк (Российская Федерация).

наследника, профессор-правовед К. П. Победоносцев. “Генерал-губернаторы назначены, а все осталось по-прежнему... – сетовал он в письме великому князю Александру Александровичу. – Немудрено, что при этом осталась прежняя путаница, а по местам еще увеличилась. Когда центральные власти в Петербурге не имеют ясного сознания и единой воли, не знают, что делать, и колеблются в мысли, – чего же ждать от генерал-губернаторов!”⁶.

Все точки над “i” были расставлены 1 марта 1881 г. Взрыв бомбы на Грибоедовском канале в Петербурге, брошенной рукой террориста-народовольца, унес жизнь “царя-освободителя” Александра II, завершив эпоху форсированной системной модернизации.

Вошедший на престол Александр III, сторонник векового уклада русской жизни и традиционных ценностей, либеральных взглядов отца не разделял⁷. Ответом на новые вызовы времени, смятение умов и расшатанность общественного строя, когда, по наблюдению князя В. П. Мещерского, “сама жизнь вступила в роль охранителя, и инстинкт самосохранения заговорил почти везде громче всяких писателей, либеральных и консервативных”⁸, стал Высочайший манифест 29 апреля 1881 г. Провозглашение незыблемости самодержавной власти и призыв к “искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка в действии учреждений России”⁹ различные общественные круги встретили с воодушевлением.

В письме к Александру III 3 мая 1881 г. занявший пост обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцев выражал надежду: “лишь бы только не замедлили теперь явственные знаки той политики, которая возведена в манифесте. Теперь подступили люди новые, во всяком случае, с прямою и честною мыслью, которые не будут говорить одно, а думать другое”¹⁰. Ему вторил один из идеологов либерализма Б. Н. Чичерин: “одно из двух: или нынешнее правительство способно выставить из себя человека вроде Михаила Николаевича Муравьева, которого имя теперь у всех на устах; <...> Или же [оно – Н.В.] кроме существующей размазни, ничего не в состоянии произвести...”¹¹.

Среди ближайших сподвижников императора, тех, кто реализовывал государственную политику “на местах”, выделялась личность Варшавского генерал-губернатора Иосифа Владимировича Гурко, управлявшего Царством Польским в 1883–1894 гг.

Герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., командир авангарда русской Дунайской армии, “генерал-вперед”, как его называли в войсках, Гурко пользовался заслуженным авторитетом в правительственных кругах. “Совесть у него прямая, солдатская. В делах политических он имеет некоторую опытность, он не упрям. <...> Не поддавался, сколько мне известно, действию политических болтунов и имел пря-

мой взгляд на государственные потребности России. Хитрости в нем нет, к интригам он не способен. Нет у него стаи знатных родственников, которые стремились бы через него составить себе политическую карьеру...”, писал о нем Александру III Победоносцев¹².

Репутация энергичного решительного человека, опыт военно-административной деятельности на посту временного генерал-губернатора в Санкт-Петербурге (1879–1880) и Одессе (1882–1883), приобретенный в самые непростые для страны послевоенные годы, стали основными мотивами, побудившими императора назначить в Варшаву именно Гурко.

Внутренняя ситуация в Царстве Польском была сложной. По мнению Б. Н. Чичерина, в 80-е г. XIX в. она была “более чужда России, нежели даже в первое время присоединения” и представляла собой “боевой пункт”¹³.

Поддержка Российской империей национально-освободительного движения балканских народов от османского ига, силой оружия добившейся восстановления государственности Болгарии и других славянских стран, оживила надежды либеральной части польского общества (позитивистов или “угодовцев”) на изменение политики в польском вопросе. Ход и итоги Берлинского конгресса были восприняты как сигнал для перехода от выжидательной тактики к наступлению на центральную власть и выдвижению требований административного самоуправления¹⁴. В то же время, по мнению большей части петербургских военных и гражданских сановников, интересы Российской империи в Польше не соблюдались из-за, как говорилось, “попустительств” предшественника Гурко Варшавского генерал-губернатора П. П. Альбединского (1880–1883).

Как человек весьма честолюбивый, он старался прослыть либералом в глазах местного общества и дружил с польской аристократией. “С присущей ему изворотливостью старался он угодить и “нашим”, и “вашим”, – отмечал начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов, – составлял докладные записки на имя государя, в которых настаивал на необходимости разных мер, но, когда эти меры были государем одобряемы, не решался применить их”, опасаясь возстать против себя влиятельных консерваторов¹⁵. Между тем деятельность Альбединского в Царстве Польском как нельзя лучше согласовывалась с настроением высшей власти в Петербурге: “Правительство по обыкновению играло двусмысленную роль: государь как будто одобрял программу, выставленную национальною партией, на деле не предпринимал ничего в ее духе”, – писал Феоктистов¹⁶. При Альбединском не было отменено ни одной важной меры Санкт-Петербурга в отношении Царства Польского, зато явно обнаруживалось административное послабление при выполнении всех изданных законов и распоряжений.

Таким образом, как писал Варшавский вице-губернатор Владимир Гурко, для Польши назначение И.В. Гурко Варшавским генерал-губернатором означало, что “власть, окрепшая в центре, отныне будет столь же крепка и на окраинах империи”¹⁷.

В ряду национальных окраин Царство Польское занимало особое положение. Его территория состояла из десяти губерний: Варшавской, Калишской, Петроковской, Радомской, Келецкой, Люблинской, Седлецкой, Плоцкой, Ломжинской, Сувалкской и восьмидесяти пяти уездов¹⁸. С 1893 г. в Варшавский военный округ, кроме названных районов, входила крепость Брест-Литовск¹⁹. По площади это был один из самых небольших регионов Российской империи, однако по плотности населения он превосходил все остальные. Ко времени первой переписи в 1897 г. из 13 миллионов жителей Царства Польского русские составляли всего 900 тыс., то есть около 7%²⁰. Дополнительные сложности создавало обеспечение дислоцированных на его территории русских войск общей численностью 250 тыс.²¹.

В 80-е – 90-е гг. XIX в. значение польских земель многократно возросло под влиянием внешнеполитических факторов. В связи с подготовкой к переделу мира (Первой мировой войне) Царство Польское оказалось включено в сферу интересов Германии и Австро-Венгрии. Для Российской империи остро встали вопросы обеспечения безопасности западной границы, необходимости противодействия антироссийской пропаганде, деятельности агентов иностранных разведок и т. п. Укрепление российских позиций в Царстве Польском в первую очередь должно было содействовать обороноспособности региона, и этой цели фактически была подчинена вся внутренняя политика.

Важное стратегическое значение, высокий уровень социально-экономического развития этого региона по сравнению с другими и, в первую очередь, мощные центробежные силы в империи, которые вызвали происходившие здесь политические процессы, предъявляли повышенные требования к местной администрации.

Правовой базой деятельности Варшавского генерал-губернатора являлся ряд общих законов и постановлений Российской империи. Однако согласно принципам государственной политики регионы, отличавшиеся не только природными, экономическими, производственными, социальными условиями, но и религиозным и культурным своеобразием, такие, как Сибирь, Кавказ, Царство Польское и др., по определению М. М. Сперанского, должны были иметь “особенное устройство с применением к ним общих государственных законов по местному их положению”²². Иными словами, на юридическом уровне фиксировалась необходимость установления “на местах” оперативной, персональной власти в лице генерал-губернатора. В особенности это касалось “неспокойных” окраин. Сущность этого положения раскрывает пассаж

возглавлявшего борьбу с Шамилем наместника на Кавказе М.С. Воронцова: “если бы нужно было здесь исполнение законов, то государь не меня бы прислал, а свод законов...”²³.

Для рассматриваемого нами периода общее значение и функции института генерал-губернаторства определял закон от 14 августа 1881 г., направленный на усиление и расширение полномочий высшей власти на местах. В соответствии с ним генерал-губернатор получал приоритет в формировании правовых норм на вверенной ему территории²⁴. Согласно положению об управлении губерниями Царства Польского (1892 г.) Варшавский генерал-губернатор выступал “блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и правительственных постановлений по всем частям управления”²⁵. Таким образом, Гурко должен был воплощать авторитет государственной власти, и его деятельность, выходя за рамки чисто административной, становилась политической.

Готовясь к назначению, Иосиф Владимирович передал на имя царя докладную записку с изложением своих взглядов на государственную политику в Царстве Польском, подчеркнув, что он “против своих убеждений работать не умеет”²⁶.

Главную цель своей административной деятельности он видел в том, чтобы ликвидировать “обособленность Царства Польского и сблизить общественную жизнь его с общеимперской жизнью путем постепенного установления таких учреждений, которые бы в состоянии были обновить весь [его – *Н. В.*] гражданский быт”²⁷. “В правительственном смысле, Польша перестала существовать как обособленная часть империи..., [однако ее – *Н. В.*] духовное обособление не прекратилось... Польское общество и ныне чуждо России по духу”. “Колебаний быть не должно! Поляки должны знать, что вопрос об их политическом будущем разрешен бесповоротно...”. Ибо “нет таких уступок, которые могли бы быть признаны польскими руководящими слоями достаточными”, – подчеркивал генерал²⁸.

Александр III ответил через близкого друга Гурко, министра государственных имуществ М.Н. Островского: “Скажи ему, что если бы я умел писать, как он, то написал бы точь-в-точь, то же самое. Я с ним во всем согласен и еще раз убедительно прошу занять варшавский пост”²⁹.

Совокупность правительственных мероприятий, проводимых в Царстве Польском в рассматриваемый период, в исторической литературе и публицистике характеризуется как “русификация”. Представители различных направлений общественной мысли придавали этому понятию самое разнообразное значение – от унификации и интеграции национальных окраин в состав имперской системы до культурной ассимиляции (аккультурации) представителей других народов, то есть насильственного навязывания им русского языка, религии и культуры³⁰.

Особенность использования понятия “русификации” заключалась в том, что оно не описывало социально-общественное взаимодействие власти и населения национальных окраин Российской империи, а оценивало его, преимущественно негативно. Наиболее радикальными оценками отличались работы историка и публициста А.А. Корнилова, не жалевшего красок для описания негативных сторон “обрусительной” политики, которую он называл “поляконенавистнической системой”, осуществляемой в “грубых и возмутительных формах”³¹.

Гурко либеральная общественность заклеймила как “пожирателя поляков”³². До настоящего времени – в польской исторической науке период 1883–1894 гг. считается временем правления “тупого сатрапа” Гурко (*turego satrapu Hurki*)³³. “Навешивание ярлыков” происходит из-за стремления отдельных историков оценивать прошлое с современных позиций вне исторического контекста. Подобные попытки чреватые интеллектуальным тупиком. В этой связи, как справедливо указывает польский профессор В. Сливовска, особенно важно не только восстановить объективную картину прошлого, но и понять ситуацию, в которой приходилось действовать той или иной исторической личности³⁴.

“Забывают..., – отмечал видный государственный и военный деятель того времени генерал П. Д. Паренсов, – что, во-первых,... [Гурко – *Н. В.*] являлся выразителем того направления, которое за тринадцать лет... царствования [Александра III – *Н. В.*] господствовало в высших правительственных сферах, а с другой стороны, общая точка зрения русского общества на польский вопрос” была далека от либеральных установок царствования Александра III³⁵.

Внутренняя политика в Царстве Польском, как и на других национальных окраинах, эволюционировала параллельно с пониманием сущности национально-государственных интересов Российской империи на разных этапах истории и отличалась противоречивостью. Ускоренная модернизация страны (Великие реформы 60-х – начала 70-х гг. XIX в.), обострение польского вопроса (восстание 1863 г.), социальная нестабильность, а также давление национальной идеологии как внутри страны, так и за ее пределами (образование Германии и Италии) привели к деформации традиционной национальной политики³⁶ (всегда отличавшейся поливариантностью), четко обозначив стремление власти к административной централизации и культурной унификации Российской империи.

На практике эта концепция выразилась в рационализации системы государственного управления, попытках создания единого административно-правового и культурно-языкового пространства Российской империи. Второй компонент предусматривал обеспечение широкого распространения русского языка, прежде всего в сфере государственного управления и суда на национальных окраинах, в том числе в Царстве

Польском³⁷. “В виды правительства никоим образом не входит обращение поляков в русских, – подчеркивал Победоносцев, – <...> подобное предприятие представляется даже совершенно невыполнимым. Но в то же время русская государственная власть не может не считать себя представительницей господствующей народности, не может не заботиться о водворении среди всех подданных, независимо от их происхождения, правильных взглядов на русскую жизнь, правды о русском народе, его прошедшем и настоящем”³⁸. Четкую позицию Александра III по этому вопросу зафиксировал Д. А. Милютин: “Я знаю, вполне, что поляков нельзя никогда сделать русскими, – часто повторял император, – я этого и не добиваюсь; но надобно, чтобы управление в Польше было русское, и, пока я жив, не перемену своей политики”³⁹.

Проводя внутреннюю политику на национальных окраинах под знаком “русификации”, власть не создавала преимущества и привилегии для русских. Ее главной задачей было формирование единого государства и общества, в котором бы этнические и религиозные критерии принимались во внимание, но не мешали мирному сосуществованию подданных и их продвижению по социальной лестнице при условии лояльности государству и правящей династии. С учетом этого жестко пресекались любые проявления, угрожавшие государственным интересам Российской империи, в первую очередь ее целостности. В этой связи необходимо отказаться от безоговорочного осуждения представителей власти на том лишь основании, что они руководствовались национально-государственными интересами в понимании своего времени⁴⁰.

Деятельность И. В. Гурко получила высокую оценку современников. После 48 лет безупречной службы “в воздаяние военных заслуг, оказанных Престолу и Отечеству”, в 1894 г. он был удостоен высшего воинского звания Российской империи – генерал-фельдмаршал, являлся членом Государственного совета, кавалером всех российских государственных наград (в том числе ордена святого Андрея Первозванного) и целого ряда иностранных⁴¹. Однако годы брали свое, тяготы службы, безвременные потери близких совершенно расшатали здоровье. Гурко подал в отставку. Принимая фельдмаршальский жезл и прощаясь с войсками, Иосиф Владимирович признался: награда явилась к нему “в грустном облике, так как неразрывно связана с окончательною разлукою еще заживо со всем тем, что составляло единственную цель моей жизни – заботами об охране чести и неприкосновенности моей Родины”⁴².

¹ В частности, о проблемах судебной реформы 1864 г. и вызванных ее противоречиями контрреформе см. подробнее: Головачев А. А. Десять лет реформ (1861–1871). – СПб., 1872; Красовский М. В. О недостатках нынешнего устройства мировых судебных установлений (в отношении уголовной юсти-

ции) // Журнал гражданского и уголовного права, 1885, № 4. – С. 39–64; *Анциферов К. Д.* К вопросу о реформе нашего мирового суда // Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству. – СПб., 1898. – С. 281–232).

² *Керсновский А. А.* История русской армии. Т. 1–4. – М., 1994. – Т. 3. – С. 10.

³ См.: *Чернуха В. Г.* Александр III // Вопросы истории, 1992. № 11–12. – С. 46–64; *Михайлов О. Н.* Забытый император. – М., 1996; *Троицкий Н. А.* «На земле стоит комод...». Александр III: Время, Правление, Личность // Свободная мысль – XXI, 2000. – № 5. – С. 88–98; *Боханов А. Н.* Император Александр III. – М., 2001.

⁴ *Керсновский А. А.* Указ. соч. Там же.

⁵ ОР РГБ. Ф. 126 (Киреевы и Новиковы). К. 7. Д. 1. Л. 170–172; 176–178; *Милютин Д. А.* Дневник Д. А. Милютина. Т. 1–3. – М., 1950. – Т. 3. 1878–1880. – С. 87, 136.

⁶ Письма Победоносцева Александру III. Предисл. *Покровского М. Н.* – Т. 1–2. – М., 1925. – Т. 1. – С. 268.

⁷ *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. – СПб., 1992. – С. 69.

⁸ *Мещерский В. П.* На новый год // Гражданин, 1884. №1. – С. 3.

⁹ Правительственный вестник. 30 апреля, 1881, № 93. – С. 1.

¹⁰ Письма Победоносцева Александру III... – Т. 1. – С. 338.

¹¹ *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. – М., 1934. – Т. 4. – С. 131.

¹² Письма Победоносцева Александру III. – М., 1925. – Т. 1. – С. 388.

¹³ *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. – М., 1903. – Ч. III. – С. 71–72.

¹⁴ Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864–1914 гг. Под ред. *Орехова А. М.* – М., 1988. – С. 54.

¹⁵ *Феоктистов Е. М.* Воспоминания. За кулисами политики и литературы. (1848–1896). – М. 1991. – С. 285.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Цит. по: *Гурко В. И.* Очерки Привислиня. – М., 1897. – С. 15.

¹⁸ Варшавский военный округ // Военная энциклопедия. Под ред. *Величко К. И., Новицкого В. Ф.* и др. – СПб., 1912. – Т. 5. – С. 247.

¹⁹ РГВИА. Ф. 1859 (Штаб Варшавского военного округа). Оп. 1-5. Л. X.

²⁰ *Крубер А. А.* Привислинский край (Польша) // Курс географии России. М., 1917 [Электронный ресурс]. URL:// <http://www.portal-slovo.ru/impressionism/36239.php> (Дата обращения 27.10.2010.).

²¹ РГВИА. Ф. 232 (Гурко). Оп. 1. Д. 167. Л. 53.

²² Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1–2 / Под ред. *Луковской Д. И., Раскина Д. И.* – СПб., 2001. – Т. 1. – С. 68.

²³ *Захарова О. Ю.* Генерал-фельдмаршал, светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. – М., 2001. – С. 336.

²⁴ Свод законов Российской империи. Под ред. Мордухай-Болтовского. Кн. 1–5. – СПб., 1912; Кн. 1. – Т. 1. – С. 254–256.

²⁵ Там же. – С. 332–334.

²⁶ Цит. по: *Гурко Д. И.* Воспоминания генерала // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков. Сост. Сахаров В. И., Манькова Л. В. – М., 2002. – С. 188.

²⁷ РГИА. Ф. 1284 (Департамент общих дел Министерства внутренних дел). Оп. 223. Д. 243. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 3, 11, 13.

²⁹ Цит. по: *Гурко Д. И.* Указ. соч. Там же.

³⁰ *Щербина А. В.* Imperium contra nationes (методологические подходы к оценке национально-государственной политики российской власти в конце XIX – начале XX вв.) // *Ессе homo* (Памяти Э. Г. Алавердова: 1947–1996). Ростов-на-Дону, 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://atscherb.narod.ru/otech/research/ессе_2/ессе_2_article_6_9.html (Дата обращения 20.09.2010).

³¹ *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в. – Пг., 1915. – С. 84, 90.

³² *Паренсов П. Д.* Из прошлого // *Русская старина*, 1907. – Т. 130. – С. 573.

³³ *Kołodziejczyk R.* Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. *Studia i materiały*, pod red. *Szwarcza A., Wieczorkiewicza P.* – Warszawa, 2002. – S. 31.

³⁴ *Śliwowska W.* Dr. Jekyll I Mr. IPN: Historia i teczki // *Gazeta Wyborcza*. 2009. June. – S. 13–14.

³⁵ *Паренсов П. Д.* Указ. соч. С. 573–574.

³⁶ Термин *национальная политика* – используется здесь условно, поскольку в Российской империи не сложилось единой универсальной модели управления национальными окраинами, хотя она имела общие закономерности. (*Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). – СПб., 1998. – С. 11, 16).

³⁷ *Бахтурина А. Ю.* Институты и структуры управления национальными окраинами России XIX – начала XX века // *Административно-территориальное устройство России. История и современность*. – М., 2003. – С. 171.

³⁸ РГВИА. Ф. 232 (Гурко). Оп. 1 Д. 167. Л. 22.

³⁹ *Милютин Д. А.* Дневник Д. А. Милютина... – Т. 3. 1878–1880. – М., 1950. – С. 245–246.

⁴⁰ *Горизонтов Л. Е.* Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 – начало XX в.: ключевые проблемы. Автореф... док. ист. наук. – М., 1999. – С. 35.

⁴¹ РГВИА. Ф. 489 (Формулярные списки). Оп. 1. Д. 7106. Л. 731.

⁴² Цит. по: *Фрейман фон О.* Пажи за 185 лет : биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. – СПб., 1894–1897. – С. 408–409.